

Телегина Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры социальных дисциплин Московского автомобильно-дорожного государственного университета (МАДИ), Сочинский филиал. т.: 8(928)4462137, e-mail: olya-telegina@yandex.ru

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА, ОТРАЖАЮЩЕЕ РЕАЛЬНЫЙ МИР

(рецензирована)

Предмет - изучение языка и мышления, их взаимосвязи; объект – языковое описание ментальных процессов, цель – изучение языковых средств, отражающих процессы мышления. Задача: исследование лексем, концептов, и концептуальных признаков, биактуальных высказываний, текстов, вербализующих мышление. Вывод: языковые средства, выражающие мыслительные правила и приемы, позволяют судить о рефлексивной реальности и культурных смыслах.

Ключевые слова: реальность, рефлексия, язык, мышление, сознание, ментальное пространство языка.

Telegina Olga Vladimirovna, a senior lecturer of the Department of Social sciences of Moscow Automobile and Road State University (MADI), Sochi branch, tel.: 8 (928) 4462137; e-mail: olya-telegina@yandex.ru

MENTAL SPACE OF THE LANGUAGE REFLECTING THE REAL WORLD

(Reviewed)

The subject is the study of language and thought, their relationship, the object - language description of mental processes, the aim – to study linguistic resources, reflecting the thinking processes. Objective: To study lexemes, concepts, and conceptual features, bi-actual utterances, texts, verbalizing thinking. Conclusion: the linguistic means expressing the thought and habits allow us to judge the reflective reality and cultural contexts.

Keywords: reality, reflection, language, thinking, consciousness, mental space of language.

Все, что в языке способствует выражению мысли (мыслительных усилий, сопутствующих процессов и их итогов) называют **мыслительным (ментальным) пространством языка**. Оно, в свою очередь, подразделяется на фрагменты, отдельные мыслительные пространства – «небольшие концептуальные объединения / "пакеты", создаваемые по мере того, как мы думаем и говорим (Mental spaces are small conceptual packets constructed as we think and talk... [1, с.137]. «Ментальные пространства различаются по характеру отражаемого познания действительности – вглубь или вширь» [2, с.138]. В качестве примера В.Б. Гольдберг предлагает опыт описания ментального пространства «Book», отражающего процесс познания соответствующего фрагмента действительности, исходя из языковых показателей, а именно семного состава лексических единиц, выражающих указанный концепт.

О.Е. Филимонова выявила ментальные пространства, охватывающие следующие типы сущностей: 1) наблюдаемые, или воспринимаемые (реально существующие, видимые, слышимые, осязаемые), 2) воображаемые (ожидаемые, прогнозируемые, нежелательные и др.), 3) воспоминаемые, 4) изучаемые, 5) произносимые, 6) творимые. При этом исследователь указывает, что эмотивные ментальные пространства так или иначе представлены в каждом из перечисленных пространств, и их изучение может проводится в рамках этих больших групп ментальных сущностей [3, с. 612]. Данные английского языка позволили О.Е. Филимоновой отразить ментальные пространства в прототипических моделях. Это следующие ментальные пространства: «I SEE», «I IMAGINE», «I REMEMBER», «I WONDER», «I SPEAK», «I KREATE» [3, с. 612].

Осознание концепта как ментального образования позволяет не только реконструировать ментальный мир носителя концептуальной системы (то есть его «концептуальную картину»), его неповторимый ментально-лингвальный комплекс (по В.В. Морковкину), но и воссоздать его этнокультурный образ, его этноментальную характерологию. «Концептуальная система является по сути этнокультурной репрезентацией концептуальной формы мысли представителя того или иного лингвокультурного мира; она формируется общими и фоновыми знаниями индивида, социокультурной средой, всем ценностным опытом данной лингвокультурной общности и отвечает за планирование содержательной стороны мыслей» [4, с. 32]. Свойства языковой личности, таким образом, обнаруживаются уже во взаимодействии

языка личности и языка эпохи (в отношении лексического состава). Они проявляются «в степени усвоения личностью языка социума, его различных сред, в которые носителю идиолекта доводилось погружаться,.. а язык среды, по данным лингвистики, определяется национальными, территориальными, профессиональными, половыми, возрастными, культурными и другими признаками индивидов – членов среды... Источником информации о языковой личности в данном аспекте становятся слова, являющиеся именами концептов, а также различные средства, выражающие то или иное концептуальное содержание» [5, с.104].

Концепты, как известно, наиболее широко воплощаются в лексических единицах, они отражают различные культурные нормы и идеалы, и понимание их возможно лишь на фоне культуры, к которой данный язык принадлежит; эти концепты дают также ключ к пониманию культуры [4, с.32], к распредмечиванию культурных смыслов.

Культурные смыслы [6] могут проявляться в таких единицах мышления, как, например, биактуальные высказывания. Под ними Н.А. Боженкова понимает мыслительные правила вывода либо утверждения, которые могут быть истинными или ложными, «условные высказывания, имеющие причину и следствие (антецедент и консеквент – в дефинициях логики), причем причинные и следственные синтагмы формализуют простые смыслы, но в единой синтагме отрицают, дополняют друг друга, образуя новые смысловые возможности и рождая тем самым **возможные культурные смыслы**» [7, с.24]. По отношению к тому, что возможные культурные смыслы отражаются практически во всех единицах языка, а значит, и во многих (если не во всех) отраслях науки, имеющих национальную прикреплённость, можно привести следующие слова: «Английская философия отражает их стиль мышления: эмпирический, индуктивный и аналитический» [8, с.58].

Разумеется, на это можно возразить тем, что наука не имеет национальности, что, по Чехову, «не бывает национальной таблицы умножения». Это, бесспорно, так. Однако имеется в виду не универсализм наук, а нечто иное: «Если ментальность в научном знании универсальна, наднациональна, то в языковом знании она имеет национальную специфику, ее репрезентация содержит отношение носителей языка к обозначаемому явлению, выражаемое в оценочных компонентах семантики слов. Носителями русского языка оценивается способность осуществлять мыслительную

деятельность (нормой является наличие этой способности, она выражается глаголами *думать, размышлять, соображать*; утрата способности думать – постоянная или временная – глаголами *спятить, свихнуться, чудить, сойти с ума*), качество мыслительной деятельности («мгновенное» мышление, или «быстрый ум», воплощается в семантике глаголов *соображать, схватывать (на лету)*, «медленное» мышление, или «медленный ум» – в семантике глаголов *рассуждать, тормозить*). Позитивная оценка, содержащаяся в семантических структурах глаголов со значениями «быстрого ума», говорит о его приоритете для русского языкового сознания» [9, с.63]. «Меньшая когнитивная освоенность категории ментальности в русском языковом сознании говорит о том, что *ментальность, мышление, ум* не занимают доминирующего положения в русской языковой картине мира, в которой преобладает концепт *душа*: истинное знание, в соответствии с ней, достигается *сердцем*, а не *разумом*. В этом проявляется такая характерная черта русского сознания, как иррациональность» [9, с.64]. Исследования Л.О. Бутаковой показывают, что в русских пословицах, говорящих о глупости / уме, акцент делается на бесполезности оказывать внимание глупцу: отсутствие ума не позволит ему оценить почести по достоинству [10, с.54].

Л.Б. Никитина отмечает, что в русском языке в каком бы значении ни употреблялась лексема «*мысль*», она всегда означает нечто «опредмеченное». «Опредмеченная» мысль рассматривается с точки зрения размер, объема, степени глубины и ширины, высоты, веса, рельефа, цвета и т.д. Например: **мысль** – *мыслишка, мыслища; огромная мысль, глубокая мысль, мелкая мысль, широкая мысль, узкая мысль, тяжелая мысль, легкая мысль, плоская мысль, высокая мысль, возвышенная мысль, светлая мысль, черная мысль* [11, с.385]. Лексема *мысль* в русском языке обозначает: 1) способность человека рассуждать; 2) мыслительный процесс; 3) то, что явилось в результате размышления. В речи границы между мыслью-способностью, мыслью-процессом и мыслью-результатом порой сглаживаются. Часто понять, в каком значении употреблена данная лексема, помогает широкий контекст [11, с.384]. Исследования Л.Б. Никитиной показывают, что «мысль в русской языковой картине мира в результате сравнений, ассоциаций оказывается полностью очеловечена» [11, с.386], что она «предстает как подвижное, вихреобразное существо: летучее, резкое, порывистое» [11, с.387], что в русском языке она обретает «новые наименования,

систему определений и глагольных характеристик, связывается с определенным местом расположения» и что «внутренняя интеллектуальная жизнь человека предстает в русской языковой картине мира столь же динамичной, изменчивой, открытой для описания и разнообразных характеристик, как жизнь внешняя, данная в непосредственных ощущениях. Мысль манифестируется в языке по образу и подобию объектов внешнего мира, в том числе целостного человека» [11, с.388].

Н.М. Сергеева научно доказывает, что в качестве основы структуры концептов «ум» и «разум» в русской языковой картине мира выступают следующие группы концептуальных признаков: 'вегетативные', 'витальные', 'антропоморфные' ('социальные', 'эмоциональные', 'тендерные'), 'предметные', 'пространственные' ('путь/дорога', 'дом'), признаки 'стихий', признаки 'времени'. Концепты «ум» и «разум» отличаются по своим структурам. Представление об интеллектуальной деятельности у носителей русского языка сопряжено с такими качествами характера, как духовность, честь, доброта, совесть. Национально-культурное своеобразие указанных концептов заключается в том, что для русского человека характерны рефлексия и самоанализ в процессе интеллектуальной деятельности; носителям русского языка свойственно включать признаки 'живой' и 'неживой' природы при категоризации ментальной сферы человека; национально-культурное своеобразие концепта обусловлено существованием человека в определенной национально-культурной среде: язык объединяет людей в этническую общность через концепты [12].

В противовес этому восточные тексты полны описания мыслительных процессов и приемов управления ими, «причем многие формулировки удобно интерпретировать... в терминах *entanglement* между душой и телом – психическим и физическим» [13, с.34]. В подтверждение этому ученые приводят выдержку из буддийской Дхаммапады (33-40): «Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как лучник стрелу. Как рыба, вырванная из своей стихии и брошенная на сушу, дрожит эта мысль: лишь бы вырваться из-под власти Мары. Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало, – благо. Обузданная мысль приводит к несчастью. Пусть мудрец стережет свою мысль, трудно постижимую, крайне изощренную, спотыкающуюся где попало. Стереженная мысль приводит к счастью. Те, которые смиряют свою мысль,

блуждающую вдалеке, бредущую в одиночку, бестелесную, скрытую в сердце, освободятся от Мары. У того, чья мысль нестойка, кто не знает истинной дхаммы, чья вера колеблется, - мудрость не становится совершенной. В непорочной мысли, в невоспощенной мысли, отказавшейся от добра и зла, в бодрствующей нет страха... Превратив эту мысль в подобие крепости, пусть он с оружием мудрости нападет на Мару, и да сохранит он победу и да будет он свободен от привязанностей». Этот отрывок чрезвычайно насыщен эпитетами и сравнениями, которые делают текст образным, ярким. Мысль сравнивается с рыбой, стрелой, оружием, крепостью. Мысль здесь – активный деятель, ей приписываются черты и способности живого существа: мысль трепещет, дрожит, с трудом сдерживается, блуждает, бредет, спотыкается; ее можно уязвить, но трудно сдержать, постичь, невозможно (хотя хочется) схватить, зафиксировать, остановить.

Процесс мышления тесно связан с осмыслением (рефлексией) и пониманием, в силу чего ученые говорят о **рефлексивной реальности**. «Рефлексивная реальность становится тем "местом", где вовне-идуший луч рефлексии (направленный на осмысление объекта) задействует опыт или знания как компоненты рефлексивной реальности, которые превращаются в осмысленное знание, в результате чего смыслом становится экстралингвистическое явление, которое оказывается вовлеченным в системомыследеятельность» [14, с.20-21]. М.Ю. Шульженко пишет о двойственном строении онтологической конструкции человека, «включающем в себя в качестве компонентов рефлексивную реальность (душу) и дух» [14, с.20]. К сфере душевного она относит память, накопление опыта, логические законы, способность мыслить и понимать содержание, а к сфере духовного – самобытность действия со смыслами, сферы воли и действия, ценность отношения, права, религии искусства. По мнению исследователя, различие составов рефлексивной реальности и духа определило отличие их роли в таком рефлексивном акте, результатом которого является переживание распредмеченного смысла. Это явление во многом обусловлено тем, что, как отмечает М.Ю. Шульженко, «понимающий может присвоит себе смысл, т.е. из чужого сделать его своим собственным; расширения самопонимания он пытается достичь посредством понимания другого, что в нашем исследовании трактуется как герменевтика» [14, с.3].

Итак, ментальное пространство языка представлено разнообразными средствами, оно чрезвычайно обширно и нуждается в подробном изучении.

Литература:

1. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. Basic Books: A Member of the Perseus Books Group, 2002.
2. Гольдберг В.Б. Лингвистические приемы описания ментального пространства в статике и динамике // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов: ТГУ, 2005. Вып. 3. С.138-144.
3. Филимонова О.Е. Ментальные пространства внутренней речи // Там же. С. 609-614.
4. Фесенко Т.А. «В начале было слово...» // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы Всерос. науч. конф. М.; Пенза, 2001. С.31-32.
5. Леденёва В.В. Состав идиолекта и характеристика языковой личности // Там же. С.103-104.
6. Донец П.Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм: дис. ... д-ра филол. наук. Харьков, 2004.
7. Боженкова Н.А. Логико-синтаксические механизмы кодирования возможных культурных смыслов в тексте. М., 2005.
8. Просветов С.Ю. Человек – этническая личность // Природное и социальное в основаниях личности: материалы науч. конф. Краснодар: КГУКИ, 2006. Вып. 1. С. 57-61.
9. Кадоло Т.А. Русские ментальные глаголы в аспекте полиституативности: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.
10. Бутакова Л.О. Динамика ментального существования: проблемы методологии лингвокогнитивного моделирования // Реальность, язык и сознание ... С.51-56.
11. Никитина Л.Б. Образ-концепт «мысль» в русской языковой картине мира // Актуальные проблемы русского языка: материалы конф. Челябинск, 2005. С. 384-388.

12. Сергеева Н.М. Концепты "ум", "разум" в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.
13. Ирхин В.Ю., Кацнельсон М.И. Крылья Феникса. Введение в квантовую мифофизику. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.
14. Шульженко М.Ю. Процесс понимания художественного текста как постижение риторико-герменевтической организованности смыслов (на материале романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010.